

хое финансовое состояние, но тренировки проводятся в тюрьме и общественном парке, город не маленький, но и не большой, поэтому есть ощущение, что все друг друга знают. В том 1996-м «Ювентус» Марчелло Липпи опережает нас всего на шесть очков. До конца сезона остается три матча, к тому же «бьянконери» продолжают играть в Лиге чемпионов... В общем, мы верим в чудо. Однако к очной встрече подходим далеко не в лучшем состоянии: на скамейке три парня из Примаверы да столько же реальных вариантов замен — второй вратарь Алессандро Ниста, Томас Бролин и Даниэль Браво, тоже не в лучших кондициях. Сыграв 1:1, мы потеряли шансы догнать «Ювентус»: слишком много очков было упущено в первом круге.

Наблюдая за работой Анчелотти по ходу сезона, я все больше убеждаюсь, что он станет тренером для больших команд. Карло подбирает нам схему 4-4-2, убедив всех игроков: это именно то, что нам нужно. Оставаясь верным последователем философии Сакки, он не соглашается на предложение Танци купить Роберто Баджо, который уходит из «Ювентуса», объясняя свой отказ тем, что нападающих у него и так хватает. Возможно, этим Анчелотти хотел мотивировать нас. Да, со временем он станет более гибким — может быть, сегодня Карло с радостью взял бы Баджо к себе в команду.

к тюремному заключению, клуб лишился финансирования и был на грани банкротства из-за огромных долгов. Ведущие игроки (Каннаваро, Буффон и другие) ушли. Несколько лет «Парма» находилась под внешним управлением и в сезоне 2013/2014 была переведена в Серию D, потеряв статус профессионального клуба, поскольку не удалось найти ни одного инвестора, готового выплатить огромные долги. В июле 2015 года бизнесмены из Пармы создали проект «Parma Calcio 1913» — новое название клуба со слоганом ««Парма» — это мы». В Серии D «Парма» продавала больше всех билетов на матчи, а президентом стал Невлио Скала, некогда тренировавший клуб. Он ушел из футбола еще в 2004-м, но не смог остаться в стороне, когда у «Пармы» возникли проблемы.

Что нас действительно впечатляет, так это вера Анчелотти в своих игроков. Карло заставляет их думать, что они лучшие.

Как показывает жизнь, это верный подход. Потому что со временем понимаешь: авторитет надо зарабатывать не количеством вспышек гнева.

Много позже Анчелотти скажет важную вещь, подтверждающую, что он умнейший человек: тренер не должен быть над командой и отдавать приказы сверху, он должен быть внутри нее. Очень правильные слова. Разумеется, у такой позиции есть много плюсов и минусов. Конечно, для этого необходимы уважение и определенный уровень доверия, но, оказавшись на одной территории с игроками, тренеру легче понять их психологию и характер, что является определяющим в его работе. Опасность заключается в том, что хорошие отношения могут перейти в панибратство, но Анчелотти никогда бы этого не позволил, в отличие от многих других тренеров, которые в конце концов оказываются не в силах поддерживать в команде порядок и управлять ею.

В следующем сезоне я дебютирую в Лиге чемпионов. Этот кубок — моя навязчивая идея, я так никогда его и не выиграю. Болельщики соперников не упускают случая напомнить мне об этом, но я стараюсь утешать себя мыслью, что у Буффонов он уже есть (моя сестра Гвендалина выиграла волейбольную Лигу чемпионов) и не стоит требовать от судьбы слишком многого.

Воспоминания о следующих сезонах, переживания тех лет часто перемешиваются и путаются, но свое первое выступление в Лиге чемпионов помню ярко. Я, мальчишка, который зачастую тренировался на разбитых полях среди луж и грязи, обматываясь кусками шин, вдруг очутился на суперсовременных стадионах под прицелами сотен телекамер. Это было потрясающе.

Выиграв квалификацию у клуба «Видзев» из польского Лодзя, мы попадаем в группу с «Галатасараем», пражской «Спартой» и дортмундской «Боруссией». Группа сложная, но совсем непроходимой назвать ее нельзя.

В той Лиге чемпионов решающим стало поражение в Дортмунде на «Вестфаленштадионе», известном невероятной «желтой стеной» — она долго преследовала меня в кошмарах. Не один десяток лет прошел, а я все еще помню, каково было играть там в первый раз.

На стадионах с такими болельщиками все немного иначе. Там ворота кажутся огромными, а расстояние между штангами — бесконечным, хотя головой ты понимаешь, что оно стандартное. Тебе трудно сориентироваться. Выбрать правильную позицию. В Дортмунд я вернусь со своей сборной на полуфинал «нашего» чемпионата мира. Италия — Германия. А тот матч Лиги чемпионов 1997 года пригодился мне, чтобы привыкнуть к эмоциям стадиона.

«Боруссия» — действующий чемпион, ее игроки пробегают за матч вдвое больше нас. В игре нет баланса. Удары по воротам сыплются со всех сторон. Пару раз меня спасает Каннаваро, дважды ошибаются нападающие. Нам ставят два довольно справедливых пенальти — первый я беру, во втором дотягиваюсь до мяча, но Андреас Мёллер добивает. В футболе — как в жизни, порой круг должен замкнуться: на скамейке «Дортмунда» наш бывший главный тренер, Невियो Скала.

Есть и другие стадионы, которые произвели на меня впечатление за годы моей карьеры: это «Айброкс» (домашняя арена «Глазго Рейнджерс») и «Сараджоглу» («Фенербахче»). В начале любого матча там творится немыслимый бедлам — не слышно вообще ничего, докричаться до своих невозможно, даже когда подаются угловые, хотя все стоят рядом. От чудовищных децибел и грохота перестаешь нормально соображать. За годы своей карьеры мне еще не раз представится случай оказаться

в такой обстановке, как в Дортмунде, а возможно, даже более хаотичной и сложной, но та, первая для меня, Лига чемпионов всегда будет занимать особое место в памяти.

С Анчелотти у меня сложились прекрасные отношения. Правда, один раз я ему грубо ответил, но это было недоразумением. В тот период любые критические замечания я принимал на свой счет. И вот мы только что сыграли в Лиге чемпионов вничью с «Галатасараем»: я-то собой доволен, но радоваться не могу — нечему. Не знаю, с каким лицом я выходил с поля, но Анчелотти, зайдя в раздевалку, смотрит на меня и выдает: «Знаете, почему мы вылетели? Потому что некоторые позволяют себе то, что не должен позволять спортсмен». И не сводит с меня глаз.

Все молчат, никто не смеет и слова сказать. А я возмущен такой несправедливостью до глубины души: из меня что, хотят сделать козла отпущения?

— Мистер, — говорю я с недовольной физиономией, — я на сборах из своего номера после тренировки ни разу носа не высунул. Не надо на меня наезжать!

Интересно, если бы это услышал Ренцо Уливери, он бы снова сказал, что я строю из себя жертву? Напридумывал себе, что все как будто сговорились меня осуждать?

— Джиджи, — Анчелотти качает головой, — я не про тебя. Те, кого это касается, — помолчав, добавляет он, — меня поняли.

Резкий тон сразу охлаждает мой пыл. Я жалею, что не сдержался, и всю дорогу до гостиницы очень переживаю. Вскоре мы узнаем, что перед отъездом в Турцию двое наших игроков два вечера подряд отрывались на дискотеке в Модене.

К сожалению, после волшебного первого сезона в «Парме» что-то сломалось, и на следующий год мы стали лишь шестыми в чемпионате. Это были времена

семи сестер, как тогда называли команды, борющиеся за скудетто: «Ювентус», «Милан», «Интер», «Рома», «Лацио», «Фиорентина» и «Парма». Шестое место стояло кресла Анчелотти — тренеру, который будет одним из самых успешных в истории. Жернова футбола быстро перемалывают успехи и неудачи, а тренерам приходится сложнее всех, ведь руководству куда проще поменять тренерский штаб, чем команду.

Тот сезон был признан провальным, но мне запомнилась наша победа с минимальным счетом над «Интером», где играл Феномен Роналдо. Я даже взял пенальти, который он бил, — не самый сложный сейв в моей карьере, но, безусловно, один из самых легендарных. Роналдо — взрывной футболист, инстинктивно чувствующий, что делать на поле.

Я остаюсь на линии ворот до самого конца, делая вид, что собираюсь прыгать вправо, а сам бросаюсь влево. Он бьет в тот угол, куда я и думал. Удар сильный, на средней высоте, но не под самую штангу, поэтому мне удастся отбить.

Тот пенальти — мы с Роналдо друг против друга — как одна из великих дуэлей между нападающим, который забивает невероятные голы, и вратарем, пытающимся ему помешать. Спортивные журналисты очень любят разжигать воображение болельщиков, расписывая эти поединки. В последние годы моей карьеры самым значимым считалось противостояние Месси и Криштиану, однако в конце 1990-х дуэлей было больше, причем самых разнообразных. Возьмем Роналдо: он забивал голы пачками, обводил любого и никакие тактические хитрости не помогали его остановить. Защитникам приходилось нелегко с таким мощным и скоростным форвардом. В первом сезоне в Италии Зубастика сравнивали с Дель Пьеро, потом — с Зиданом, с которым они еще сыграют за мадридский «Реал». Однако в то время чаще всего говорили о нашей с ним

дуэли. Между самым перспективным и забивным нападающим в мире и подающим надежды итальянским вратарем. Роналдо против Буффона — так нередко анонсировали матчи между «Интером» и «Пармой», и даже когда мы не играли друг против друга, нашу статистику сравнивали. Вот почему я называю тот пенальти легендарным.

Когда в мои ворота били одиннадцатиметровые, в начале карьеры я действовал инстинктивно, как большинство вратарей, — по внутренним ощущениям в конкретный момент. Позже, с развитием технологий, начал изучать данные о привычках тех или иных игроков. В современном футболе информации намного больше. Хотя на самом деле каждый пенальтист бьет всегда немного по-разному. Да и психология играет роль (например, одиннадцатиметровый при счете 0:0 и при счете 4:0 — совсем разные вещи).

Не думайте, статистику пенальти изучают не только вратари, бьющим она тоже полезна. Некоторые подходят к точке, заранее зная, что голкипер чаще прыгает в определенный угол.

Пенальти — своего рода дуэль, и, если не имеешь представления о привычках соперника, остается только наблюдать за разбегом. Я не смотрю в лицо бьющего, а оцениваю позу, количество шагов до удара и движения. Поэтому пенальтисту следует сохранять статичное положение до самого последнего момента, а если он решает пофинтить, то не стоит делать это слишком театрально. Одиннадцатиметровые как особое явление в футболе изучали даже с помощью нейронаук. Оказывается, во время удара и у нападающего, и у вратаря активизируются зеркальные нейроны, то есть нервные клетки, позволяющие копировать действия другого человека. Пенальти — типичный пример такой ситуации, когда движения голкипера зеркально отражают

движения бьющего и наоборот. Оба наблюдают друг за другом, стараясь предсказать действия соперника, что позволит им забить или парировать удар. Существование зеркальных нейронов, которые были обнаружены и изучены учеными Университета Пармы, стало важнейшим открытием конца XX века. Кто знает, может, наши пенальти использовались ими как материал для такого впечатляющего исследования.

И все же пенальти — ненастоящая дуэль: слишком неравное положение у той и другой стороны.

Векки говорил, что бить с точки (как и при выходе один на один) — все равно что стрелять в человека, который сидит на горшке. Представьте, вы спустили штаны, присели, а в вас кто-то целится. Возможности спастись почти нет. Невероятно адреналиновая ситуация. Так и у вратаря: шансов взять удар бесконечно меньше, чем у бьющего отправить мяч в ворота. Однако сейв в этом случае стоит куда дороже гола.

За свою карьеру я отбил примерно треть одиннадцатиметровых. Это та редкая статистика, которая мне по душе. Сегодня футболистам доступно невероятное количество данных об их действиях на поле. Но статистика вратаря чаще всего не очень-то радует, ведь первое, что бросается в глаза, — пропущенные голы, а их наберется немало, если играешь не один год. Поэтому мне приятно вспоминать процент отбитых пенальти — тем более что он хорош, ведь в среднем голкиперам удается отразить один из пяти ударов.

Иногда взятый пенальти — это простая удача, иногда — мастерство. Если я и жалею, что не стоял в воротах, когда били одиннадцатиметровый, то вспоминаю матч «Реал» — «Юве» в 2018-м. Меня удалили за протесты после назначения пенальти, мы тогда вели 3:0. Останься я на поле, возьми тот мяч — игра перешла бы в дополнительное время. Это одна из моих самых больших ран, о которой я еще расскажу.